

БОРИС АКУНИН

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ И ЗВЕРЕЙ

*Короткие истории
о всяком разном*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А44

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

Разработка макета — *Оксана Сергеева*

Дизайн переплета — *Екатерина Фerez*

В оформлении использованы иллюстрации,
предоставленные агентствами Diomedia, ФГУП МИА «Россия сегодня»,
Fotodom, Fotobank, Shutterstock и свободными источниками

Акунин, Борис.

А44 Жизнь замечательных людей и зверей. Короткие истории о всяком разном / Борис Акунин. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 320 с.: ил.

ISBN 978-5-17-098908-9

«Люди нередко влюбляются в кого-то с одного взгляда. Мы, литераторы, способны влюбиться с одной фразы. Так со мной и произошло. Я влюбился...»

Но ведь мы, читатели, тоже на такое способны. В новой книге Бориса Акунина собраны исторические миниатюры, которые вас удивят, обрадуют, заставят задуматься, а может быть даже «выведут из зоны комфорта». Жизни замечательных (а порой и самых обыкновенных — на первый взгляд) людей и зверей так точно передают настроение и колорит прошлых времен, словно перед нами диковинный калейдоскоп необычайных событий и поразительных персонажей.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© В.Акунин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Белые амазонки

Уерт его знает, почему убитых на войне женщин должно быть жалче, чем мужчин. Но почему-то жалче.

Может, оттого, что кашу всегда завариваем мы, а когда оказываемся недюжи, на помощь приходят они — идейные, или любящие, или просто экзальтированные, но в любом случае самоотверженные. Воюют они чаще всего неумело, врагов убивают плохо, а сами гибнут легко и быстро, как летящие на огонь мотыльки. И поэтому их невыносимо жалко.

Я в свое время про это целую повесть написал — про женские батальоны смерти, прекрасную и постыдную страницу нашей военной истории (прекрасную для российских женщин и постыдную для российских мужчин). В повесть попала малая толика материалов, которые я собрал в ходе подготовки, — лишь о событиях 1917 года. Но, начав читать про русских амазонок, я уже не мог остановиться. Хотелось узнать, как сложились их судьбы дальше, в еще более жестокие времена.

Судьбы сложились грустно. Большинству патриотов, откликнувшихся на призыв Марии Бочкаревой, пришлось воевать не с германцами, а со своими — на Гражданской.

Известно, что в Красной армии женщин было много: комиссарши, комсомолки, пулеметчицы, санитарки, чекистки, просто бойцы. У большевиков они считались равноправными товарищами, а коли ты равноправная — никаких поблажек. Тащи мужскую ношу и не рассчитывай на джентльменство. Моя бабушка 1899 года рождения тоже воевала у красных. В детстве я замороженно шупал осколок от белоказачьего снаряда, засевший у нее в локте, — это было прикосновение к истории.

Но моя бабушка, как и большинство красноармеек, была пролетарского происхождения. Сирота, выросла «в людях».

Таким было легче привыкнуть к лишениям, грязи, вшам, грубой фронтовой жизни. Бабушка рассказывала мне о простоте солдатских нравов безо всякого осуждения, даже со смехом.

Намного тяжелей пришлось тургеневским барышням, оказавшимся по другую сторону. Да и участь у проигравших войну была трагичней.

*Девушки-прапорщики.
Москва, ноябрь 1917 г. Первый ряд
(слева направо): Виденек,
З. Реформатская, Н. Заборская.
Сзади: А. Кочергина, З. Свиричевская,
З. Готгард*

Их, женщин Белой армии (да простит меня бабушка-большевичка), я и хочу вам показать. Просто посмотрите на эти лица.

Помню, как я начал выживать их по всему Интернету в процессе работы над повестью — и не мог остановиться. Если было известно имя, пытался выяснить биографию. Иногда удавалось.

Я тогда не записывал, откуда беру снимки, а теперь не восстановишь. Прошу извинения у первоначальных публикаторов.

В 1917 году Александровское военное училище выпустило 25 девушек-прапорщиков. Одна погибла тогда же, когда был сделан этот снимок — во время московских уличных боев; почти все остальные ушли к белым. Девять были убиты на Гражданской войне. Еще две за-

стрелились вскоре после ее окончания.

Из тех, кого вы видите на снимке, ничего не нашел о прапорщице Виденек (даже имени не знаю) — кроме того, что она участвовала в корниловском «Ледяном походе».

Зинаида Реформатская была несколько раз ранена. Дожила до старости, умерла в США.

Подпоручик Надежда Заборская застрелилась в Паргвае.

Антонина Кочергина воевала у Деникина и Врангеля. Эмигрировала.

Зинаида Свирчевская была командирована с юга в Москву с секретным заданием. Схвачена, расстреляна.

Подпоручик Зинаида Готгард застрелилась в Югославии.

Две из них есть и на другой фотографии:

Справа сидит Зинаида Готгард (та, что застрелилась в Югославии). Стоит Надежда Заборская (тоже застрелилась. В Асунсьоне, прости господи). Полулежит вольноопределяющаяся Валентина Лозовская (между прочим, в будущем — жена знаменитого певца Юрия Морфесси).

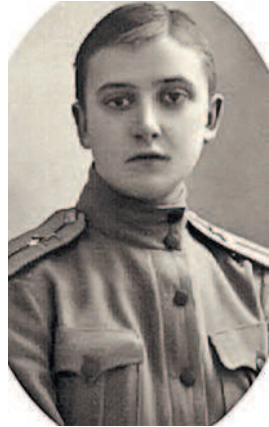
А как вам вот это лицо — на нижнем снимке?

Из воспоминаний А.Г. Невзорова, участника «Ледяного похода»:

«Вопрос о пулеметах и артиллерии нас заботил. Но с пулеметами дело решилось просто: к нам явились две женщины-прапорщика с двумя пулеметами Максима. Они уже были в боях, и одна из них была легко ранена в руку. Тем, как держали себя эти два прапорщика, можно было только восторгаться: они спокойно лежали за своими «максимами» и по приказанию открывали огонь. /.../ Это были сестры Мерсье. Вера и Мария Мерсье окончили в 1917 г. Александровское военное училище и были произведены в прапорщики. С нояб-

*Врангелевский Крым.
Октябрь 1920 г.*

Мария Мерсье

*Супруги Бузун.
Снимок 1919 года*

ря 1917 г. находились в Добровольческой армии и участвовали в 1-м Кубанском («Ледяном») походе в составе пулеметной роты Корниловского ударного полка. Вера погибла в этом походе, а Мария продолжала служить в армии и была убита в 1919 г. под Воронежем».

Посмотрите на эту супружескую пару (жена с «Георгием» и орденом за «Ледяной поход», муж — без наград):

Красавица с кинжалом — Ванда Бузун, батальонный адъютант (Алексеевский полк). Рядом ее муж штабс-капитан Петр Бузун, командир того же батальона.

В следующей главе расскажу про трех самых известных «белых амазонок»: одна — романтическая героиня, другая — верная подруга, третья — неистовая воительница.

Белые амазонки

(продолжение)

Это нежное создание, баронесса Софья де Бодэ, запомнилась многим, кто видел ее на Гражданской войне или просто слышал о ней.

Она происходила из давно обрусевшей французской семьи. Сильно романтизированная биографическая справка сообщает, что Софья де Бодэ — выпускница Смольного института благородных девиц, во время Первой мировой отправилась на войну и служила под командой отца в конной разведке.

Отчество Софьи мне неизвестно. Баронов де Бодэ в армии было двое. Возможно, речь идет об Августине Клементьевиче (1871–1915), бывшем военном атташе в Вашингтоне. На фронте он командовал полком и пал в бою.

Думаю, впрочем, что история про разведку относится к области мифов: к отцу Софья ездила, казаком наряжалась и на коне скакала, но в разведке служила вряд ли. В 1915 году это было бы такой экзотикой, что о юной кавалерист-девице растребили бы все газеты.

Отношение к женщинам-военным стало меняться лишь с весны 1917 года, когда Мария Бочкарева призвала соотечественниц взять

Мужской наряд пока еще маскарадный, à la cosaque

в руки оружие. Одной из тех, кто с энтузиазмом откликнулся на этот зов, была Софья Боде. Она записалась в женский батальон смерти, а потом попала на офицерские курсы при Александровском училище – вместе с 24 другими девушками (см. предыдущий пост).

Кадр кинохроники (нашел в YouTube), снимавшей летом семнадцатого года принятие присяги на Красной площади, выхватил из шеренги вольноопределяющуюся Боде – она оглянулась на камеру. Посмотрите, как она изменилась:

*Маскарадные времена закончились.
Теперь все будет по-другому:
кроваво и жестоко*

усталое лицо, вместо кокетливой бекешки – простая солдатская гимнастерка. Уж не знаю, как ей удалось сохранить волосы, ведь доброволок стригли под ноль.

В октябре она вместе с другими выпускницами надевала погоны прапорщика.

«Молоденькая, красивая девушка с круглым лицом, с круглыми голубыми глазами в своем военном мундире прапорщика казалась нарядным и стройным мальчиком.

Дочь русского генерала, воспитанная в военной среде, она не поддельвалась под офицера, а усвоила себе все

военные приемы естественно, как если бы она была мужчиной...» – пишет один из мемуаристов, видевший Софью в то время.

Меньше чем через месяц произошла революция. В отличие от Петрограда, Москва упорно сопротивлялась большевистскому перевороту. Кровавые бои продолжались несколько дней. Софья командовала отрядом юнкеров, в бою у Никитских ворот была ранена в ногу.

Едва лишь зародилось корниловское движение – уехала из Москвы на юг.

Участвовала в отчаянном «Ледяном походе», откуда мало кто вернулся живым. Софья мелькает в воспомина-

ниях генерала Богаевского: «Спустя полчаса ко мне подлетает карьером одетая в черкеску баронесса Боде, служившая ординарцем в нашей коннице, отчаянно храбрая молодая женщина, впоследствии убитая во время атаки генерала Эрдели под Екатеринодаром, и докладывает, что генерал Корнилов посылает мне свой последний резерв: два эскадрона конницы. Вдали рысью шла за ней конная колонна».

Конная бригада Эрдели понесла тяжелые потери в бою 13 марта 1918 года – это и есть дата смерти Софьи Боде. Она погибла в самом начале страшной войны, но запомнили ее лучше, чем других девушек-прапорщиков. Баронесса де Боде – единственная, у кого был титул, и в кавалерию из выпускниц Александровского училища попала только она.

Офицер-эмигрант Виктор Ларионов вывел ее под именем княжны Черкасской в своем романе «Последние юнкера»: «И вот в первых же боях она показала себя не только лихим, но и смысленным, распорядительным бойцом, способным понимать обстановку и командовать другими. Ее все полюбили, заботились о ней подчас трогательно, но, к сожалению, не могли удержать ее боевых порывов. Она как бы искала смерти... И нашла ее под Матвеевым курганом, когда два орудия, прикрывая отход пехоты перед сильнейшим противником, готовились уже бить картечью, а она, стоя во весь рост между орудиями, выпускала обойму за обоймой из карабина».

Я прочитал, что по телевидению несколько лет назад показывали документальный фильм «Баронесса де Боде – легенда Белой армии». Там наверняка более подробно рассказано об этой короткой и романтической жизни.

А вот совсем другая история. Не столько про героизм, сколько про любовь и верность.

Вы наверняка читали про генерала Слащева, отчаянно храбреца и гениального тактика. Это был позер, дебошир, кокаинист, без конца со всеми ссорившийся, но не раз спасавший белый фронт. Слащев обожал экстравагантность, носил какие-то умопомрачительные мундиры соб-

ственного дизайна. «Пускай всякий, кто так воюет, наряжается как ему угодно», — говорил про него Врангель.

Но мы смотрим не на щеголя Слащева, а на девушку, которая рядом.

Это Нина Нечволодова, она с палочкой после ранения, полученного на Чонгарской гати. В ней трудно узнать пухлую барышню, тоже наряженную казаком, со следующего снимка.

Нужно было увидеть и пролить немало крови (своей и чужой), чтобы так перемениться всего за два года. Должен сказать, что, когда сравниваешь любое женское лицо *до* и *после* фронта, содрогаешься.

Девушка с верхней фотографии к тому же еще здорово похожа на мою бабушку в юности. Тот же возраст, та же стрижка, та же непримиримая интенсивность во взгляде. (Во времена моего детства бабушка, сорок килограммов пламенного марксизма-ленинизма, будет запихивать в меня ложку манной каши, говоря: «Любить надо партию, а кашу нужно есть».) Если бы они с Нечволодовой в двадцатом встретились — убили бы друг друга.

Но про бабушку расскажу как-нибудь в другой раз.

Читаем в воспоминаниях И. Сагацко: «...Около вагона Слащева стояла большая группа и Ниночка-ординарец.

Это была миловидная и стройная девица в белой рубаше с погонями унтер-офицера и одним или двумя Георгиевскими крестиками, в кавалерийских синих бриджах и сапогах со шпорами. Мне успели шепнуть, что Ниночка — из хорошей семьи, ведет себя безупречно и вполне заслуживает свои Георгиевские крестики...»

Сагацкий видел Нечволодову в апреле 1920 года, когда она уже состояла при своем сорви-голове и была лично-стью полулегендарной.

Годом раньше, когда начиналась эта любовь, Нина была сестрой милосердия. Однажды Слащев, в ту пору командир дивизии, был про-шит пулеметной очередью. «Между тем пришлось отсту-пать с позиции, и селение, в котором расположился Сла-щев, оказалось в районе, за-хваченном красными. Спас-ла Слащева молоденькая се-стра милосердия, бывшая при гвардейском отряде, т. к.

*Дедушка и бабушка.
Начособотдела дивизии
и начособотдела бригады
(ну у меня и тены)*

была сестрой служившего в этом отряде офицера. Она верхом отправилась в селение, в котором лежал Слащев, метавшийся в жару и беспамьятстве, взвалила с помощью крестьян раненого на лошадь и прискакала с ним к гвар-дейскому отряду. Эта сестра милосердия неотлучно оста-валась при боровшемся со смертью Слащева и выходила его. Вскоре после выздоровления Слащев женился на ней. Его первый брак был несчастлив. Эта же вторая жена вполне подходила к нему: под видом ординарца (из воль-ноопределяющихся) Никиты она безотлучно находится при Слащеве и сопровождает его и в бою, и под огнем», — пишет очевидец.

С того дня и до самой смерти полоумного генерала Нина была с ним неразлучна. Куда он — туда и она. Даже если на верную гибель.

Так было в бою на Чонгарской гати — двухметровой на-сыпи через Сиваш.

22 марта 1920 года Слащев решил пройти по ней под ураганным огнем красных и захватить противоположный конец. Все офицеры сказали, что это невозможно. Тогда ге-нерал построил мальчишек-юнкеров и под духовой оркестр,

строевым шагом, повел вперед. «Ординарец Нечволодов» шел рядом — и был ранен. Гать в результате взяли, красные не выдержали «психической атаки».

Помните, как в пьесе «Бег», где Михаил Булгаков разделил образ реального Слащева на двух генералов — Чарноту и Хлудова, последний говорит вестовому Крапилину: «Я на Чонгарскую гать ходил с музыкой и на гати два раза ранен!», а Крапилин в неистовстве кричит: «Все губернии плюют на твою музыку!»?

По-моему, губернии правильно делают. Гнать под пулеметы любимую женщину — скверный героизм.

Дальнейшую биографию Слащева перескажу совсем коротко.

У Врангеля лопнуло терпение, и он снял самодура с командования армией. Нина последовала за Слащевым.

В эмиграции Слащева разжаловали и оставили без пенсии — Нина (в отличие от подруги генерала Чарноты) любимого не бросила.

Потом Слащеву взбрело в голову вернуться в Совдепию, где он был заочно приговорен к смертной казни. Нина поехала с ним.

В фильме «Бег» подругу Чарноты сыграла Татьяна Ткач

Бывшего генерала амнистировали, и он преподавал тактику на высших командных курсах «Выстрел». Нина руководила там театральной студией.

Даже в кино они снялись вместе: в кинокартине «Врангель» сыграли самих себя.

Но в 1929 году Слащева убил некий Коленберг, мстя у Слащева было прозвище «вешатель»).

И здесь следы Нины Нечволодовой теряются. Куда она исчезла и что с ней было дальше, неизвестно.

Белые амазонки

(окончание)

Эту-то женщину вы почти наверняка знаете, а во времена моего детства, когда телесериалов было мало и каждый из них становился событием, ее знала вся страна. Правда, многие думали, что ротмистр Мария Захарченко из фильма «Операция «Трест»» — персонаж вымышленный или, по крайней мере, сценаристы нарочно подбавили «женщине с маузером» колорита.

А вот и нет. Реальная Мария Лысова-Михно-Захарченко-Шульц прожила жизнь еще более удивительную, чем героиня Людмилы Касаткиной. В кино, снятом к «пятидесятилетию великого Октября», всей правды про белогвардейскую подпольщицу, конечно, рассказать было невозможно, но чувствовалось, что авторы против воли восхищаются этим вроде бы отрицательным персонажем.

[Кстати говоря, написал про «пятидесятилетие октября» — и вздрогнул. Мальчишкой я смотрел тот фильм про чекистов и белых террористов как сказку про невозможно далекие времена. А ведь 1967 год от наших дней дальше, чем тогда был 1927-ой, когда происходит действие фильма. Пора отмечать пятидесятилетие пятидесятилетия Великого октября. «Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной» (И. Бродский). Но не буду отвлекаться.]

Самая яркая роль фильма

Юность у генеральской дочери Маши Лысовой была вполне заурядной для девушки ее круга. Пожалуй, единственная не совсем обычная деталь — страстная любовь к лошадям. Мария с детства была прекрасной наездницей. А так что ж? Закончила Смольный, годик поучилась в Швейцарии, в двадцать лет выскочила замуж за гвардейского офицера. Было это за год до начала мировой войны.

Теперь сравните две фотографии.

Марии двадцать лет

*Марии немногим
за тридцать*

Невозможно поверить, что это один и тот же человек. Между снимками всего одно десятилетие. Но какое...

Что ж, давайте посмотрим, как из милой мадемуазель с хлыстиком получилась железная женщина с маузером.

Муж Марии, капитан Михно, в самом начале войны был смертельно ранен и скончался в госпитале, на руках у беременной жены (она родила три дня спустя).

Проявив невероятное упорство, вдова — через великую княжну Ольгу Николаевну и императрицу — добилась назначения в боевую часть (ранее я уже говорил, что для 1915 года это было совершенно исключительным событием). Оставив грудного младенца, она поступила в гусарский полк. Сначала сослуживцев раздражало ее присутствие, да и проку от горе-кавалеристки было мало. Ее «штатская» посадка не годилась для конного боя. Но вольноопределяющаяся

Михно была упряма и со временем постигла всю гусарскую науку.

Первый Георгиевский крест она получила за то, что ночью вывела отряд в германский тыл. Второй — за то, что, сама будучи ранена, вывезла из-под огня раненого товарища. Медаль «За храбрость» — за взятие пленного.

Та война была хоть и суровой, но «по правилам». На следующей, Гражданской, правила отсутствовали, суровость превратилась в озверение, а пленных, даром что соотечественники, «пускали в расход». (Однополчане будут называть бывшую барышню с хлыстиком «бешеной Марией» за то, что она не брала красных в плен.)

К Деникину Мария добиралась долго и сложно. К этому времени у нее уже была другая фамилия, она вышла замуж за полковника Захарченко. Супруги раздобыли документы персидских подданных и поэтому попали в Добровольческую армию кружным путем, через Персию.

Мария воевала в уланском полку, которым командовал Захарченко. Как и ее первый муж, он умер в госпитале. Сама она тоже получила тяжелое ранение, была обморожена. Эвакуировалась вместе с остатками врангелевской армии. В общем, исполнила классическое белогвардейское «хождение по мукам» от точки до точки.

В эмиграции другие офицеры устраивались таксистами, официантами, швейцарами. Мария хотела только одного: продолжать борьбу с красными.

Она вступила в организацию генерала Кутепова, занимавшуюся подпольной и террористической деятельностью на территории Советской России.

В 1923 году вместе со своим третьим (невенчанным) мужем лейб-егерским капитаном Радкевичем они пересекли эстонско-советскую границу и в последующие годы проделывали это рискованное путешествие не раз.

Вышло так, что «супруги Шульцы» оказались игрушкой в руках ОГПУ, которое в это время проводило многокомпонентную провокацию с кодовым названием «Трест». Принцип операции был позаимствован у царской Охранки, использовавшей двойного агента Азефа для контроля над террористами.

Эта игра продолжалась не один год. В конце концов в мае 1927 года чекистская интрига была раскрыта. Подполь-

